

Для первой ОКТАВЫ

Лия Криз

Лия Криз

Ля первой октавы

«Автор»

2026

Криз Л.

Ля первой октавы / Л. Криз — «Автор», 2026

Варя — настройщица роялей. Три месяца назад жених назвал её скучной и ушёл к другой. Странный звонок приводит её в маленький волжский городок Заречье, к старинному роялю 1912 года и его угрюмому хозяину Илье, который уверяет, что не любит музыку. Внутри рояля Варя находит письмо 1963 года: «Тоня, я вернусь к ледоходу». Бабушка Ильи ждала этого человека на пристани шестьдесят весен подряд. Пока Варя возвращает инструменту голос, она и Илья распутывают чужую историю любви. И понемногу понимают, что их собственная может закончиться так же, если кто-то из них не решится переплыть реку. Тёплый и светлый роман о любви, которую ждут, о втором шансе и о том, что ждать не всегда нужно.

© Криз Л., 2026

© Автор, 2026

Лия Криз

Ля первой октавы

Ля первой октавы

Роман в восьми главах

Глава 1. Человек, который не любил музыку

Варвара Лаврова слышала то, чего не слышат другие. Это был не дар, а скорее профессиональная болезнь. Холодильник у соседей гудел на полтона ниже, чем следовало. Трамвай на повороте визжал почти точным «ми». А её собственное сердце последние три месяца стучало как-то неровно, сбиваясь с ритма, будто старый метроном, который уронили на пол.

Варе было двадцать девять. Она настраивала рояли.

Когда она говорила об этом на вечеринках, люди обычно переспрашивали. Потом спрашивали, неужели такая профессия ещё существует. Потом — сколько за это платят. Кирилл, её бывший жених, любил отвечать за неё: «Немного, но зато она очень одухотворённая». И все смеялись. Варя тоже смеялась, потому что так было проще.

Теперь Кирилла не было. Был июнь, пыльная Москва, съёмная квартира на Соколе и рояль «Петрофф» в углу, на котором Варя не играла уже три месяца. Не хотелось.

Звонок раздался в среду, в половине восьмого утра. Номер был незнакомый, с кодом какой-то области.

— Лаврова? — спросил мужской голос. Низкий, чуть хрипловатый, без всякого «здравствуйте». — Вы рояли настраиваете?

— Настраиваю, — осторожно ответила Варя. — А вы кто?

— Мне ваш номер дали в музыкальной школе. Сказали, вы лучшая. Ну, или единственная, кто согласится поехать.

— Куда поехать?

— В Заречье. Это на Волге, пять часов от Москвы. У меня тут рояль. Старый. Надо привести в порядок, чтобы продать. Заплачу хорошо. Дорогу оплачу. Жильё найду.

Он говорил так, будто каждое слово стоило ему денег. Варя села на кровати и посмотрела в окно. Во дворе дворник поливал из шланга асфальт, и вода блеснула на солнце.

— А что за рояль?

— Не знаю. Чёрный. Большой. С ногами.

Варя невольно улыбнулась.

— У всех роялей есть ноги. Там на крышке должно быть название. Посмотрите, пожалуйста.

В трубке послышались шаги, скрип половиц, что-то глухо стукнуло. Потом голос, уже издалека:

— «Бек-кер». Через два «к». И цифры. Тысяча девятьсот двенадцать.

Варя перестала улыбаться.

«Беккер» тысяча девятьсот двенадцатого года. Петербургская фабрика, ещё до революции. Таких инструментов в стране остались единицы. Она видела один в консерватории и один в частной коллекции, куда её однажды позвали по знакомству. Оба звучали так, что хотелось плакать.

— Я приеду, — сказала она. — Когда вам удобно?

— Хоть завтра. Меня Илья зовут. Скину адрес.

И он положил трубку. Тоже без «до свидания».

Дорога заняла не пять часов, а шесть с половиной. Сначала электричка, потом автобус, который ехал так, будто ему было лень. За окном тянулись поля, перелески, деревни с покосившимися заборами. Варя смотрела на всё это и думала, что впервые за три месяца ей не хочется плакать. Наверное, потому что некогда: автобус трясло так, что приходилось держаться обеими руками.

Заречье оказалось маленьким городом на высоком берегу. Белая церковь на холме, деревянные дома с резными наличниками, пристань, у которой качались лодки. И Волга. Огромная, медленная, серебряная под вечерним солнцем. Варя вышла из автобуса, вдохнула воздух, пахнувший рекой и липой, и на секунду забыла, зачем приехала.

— Лаврова?

Она обернулась.

У старой «Нивы» стоял мужчина лет тридцати пяти. Высокий, широкоплечий, в выцветшей клетчатой рубашке с закатанными рукавами. На руках — мелкие шрамы и древесная пыль. Тёмные волосы давно не стрижены, на подбородке щетина. И глаза серые, внимательные и совершенно неприветливые.

— Варвара, — сказала она и протянула руку. — Можно Варя.

Он посмотрел на её руку так, будто не понимал, что с ней делать. Потом всё-таки пожал. Ладонь была шершавая и тёплая.

— Илья. Садитесь.

Он взял её чемоданчик с инструментами, взвесил в руке и удивлённо поднял бровь.

— Тяжёлый.

— Там ключи, клинья, молоточки. И запасные струны.

— Я думал, вы с камертоном приедете. И всё.

— Камертон тоже есть, — сказала Варя. — Он в кармане.

Илья хмыкнул. Это было первое, что хоть немного походило на смех.

Дом стоял на самом краю города, на отшибе, у реки. Двухэтажный, деревянный, с мезонином и синими ставнями. Когда-то он, наверное, был очень красивым. Сейчас краска облупилась, крыльцо просело, а сад зарос так, что яблони тонули в крапиве.

— Бабушкин, — коротко сказал Илья, заглушив мотор. — Она умерла в марте.

— Мне очень жаль.

Он не ответил. Вышел из машины, поднялся на крыльцо и открыл дверь ключом, который висел у него на шее на шнурке.

Внутри пахло деревом, сушёными травами и чем-то ещё. Тем особенным запахом, который бывает только в старых домах, где долго жили и долго любили. На стенах висели фотографии в рамках. Вязанные салфетки на комод. Часы с кукушкой, которые давно остановились. Всё было чистым, но каким-то замершим, как будто дом задержал дыхание и боялся выдохнуть.

А в большой комнате, у окна, выходящего на реку, стоял он.

Варя остановилась на пороге.

Рояль был огромный, концертный, почти два метра в длину. Чёрный лак потускнел и пошёл мелкими трещинами, как старая картина. Но изгиб корпуса был таким плавным и совершенным, что у Вари перехватило дыхание. На пюпитре золотом, наполовину стёршимся, было выведено: «J. Becker. St. Petersburg».

Она подошла медленно, как подходят к спящему животному. Провела ладонью по крышке. Пыли не было — кто-то протирал.

— Можно? — спросила она, не оборачиваясь.

— Для этого и звал.

Варя подняла крышку клавиатуры. Клавиши были из настоящей слоновой кости, пожелтевшие, как старые зубы. На одной, в средней октаве, был маленький скол. Она нажала «ля».

Звук вышел глухой, дребезжащий, кривой. Как голос человека, который долго молчал и забыл, как говорить. Варя поморщилась, нажала аккорд. Потом ещё один. Где-то внутри что-то задрезало, один молоточек явно залипал, а басы гудели вразнобой.

Но под всей этой расстроенностью, под пылью и годами молчания, она услышала его. Настоящий голос. Глубокий, тёплый, с той бархатной глубиной, которую не сделает ни одна современная фабрика.

— Его давно не настраивали, — сказала она тихо.

— Лет пятнадцать, наверное. Бабушка последние годы не играла. Руки болели.

— А вы играете?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем, — сказал Илья. Он стоял у двери, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди. — Я вообще музыку не люблю.

Варя обернулась и посмотрела на него так, будто он сказал, что не любит дышать.

— Как можно не любить музыку?

— Легко. — Он пожал плечами. — Шумно. Бесполезно. Сколько вам надо времени?

Варя снова повернулась к роялю. Открыла верхнюю крышку, заглянула внутрь. Струны потемнели, некоторые заржавели. Фетр на молоточках истёрся. Деку, слава богу, не повело, но вибрельбанк, деревянная доска, в которой держатся колки, мог подвести.

— Неделя, — сказала она. — Может, две. Если просто настроить, это день. Но если вы хотите продать его за настоящую цену, его нужно привести в порядок. Иначе вы продадите сокровище по цене дров.

Илья помолчал.

— Две недели, — повторил он. — Ладно. Жить будете у Зинаиды Петровны, это через три дома. Она сдаёт комнаты. Я договорился. Завтракать можете там же. Работать — когда хотите, ключ я вам дам.

— А вы где будете?

— У себя в мастерской. Я тут недалеко.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но остановился в дверях.

— Варвара.

— Варя.

— Варя. — Он произнёс это так, будто пробовал слово на вкус. — Вы правда думаете, что он столько стоит?

Она погладила крышку рояля, как гладят по голове ребёнка.

— Я думаю, что он стоит гораздо больше, чем за него дадут. Но это уже другой вопрос.

Илья ничего не ответил. Только посмотрел на неё долгим, нечитаемым взглядом и вышел. Хлопнула входная дверь, взревел мотор «Нивы», и стало тихо.

Варя осталась одна.

Она должна была пойти к Зинаиде Петровне, разобрать вещи, поесть. Но вместо этого придвинула старую банкетку, села и долго просто смотрела на рояль. За окном садилось солнце, и Волга из серебряной становилась розовой, а потом золотой.

Наконец она достала из кармана камертон, стукнула им о колено и поднесла к уху. Чистое, звенящее «ля» первой октавы. Четыреста сорок колебаний в секунду. Звук, с которого начинается любой оркестр в мире. Звук, по которому строится всё остальное.

Она нажала ту же клавишу на рояле. Сравнила. Рояль занижал почти на полтона.

— Ничего, — прошептала Варя. — Ничего, мой хороший. Мы тебя вылечим.

Она решила для начала проверить механику. Сняла пюпитр, осторожно вынула клавиатурный клапан. Посветила фонариком телефона внутрь, туда, где под струнами прятались молоточки и демпферы.

И увидела там конверт.

Он был засунут глубоко, между рамой и корпусом, в узкую щель, куда невозможно попасть случайно. Кто-то спрятал его специально. Пожелтевший, с обтрёпанными краями, без марки и без адреса.

Варя долго смотрела на него. Потом осторожно, двумя пальцами, вытащила.

Конверт не был заклеен. Внутри лежал один листок, сложенный вчетверо. Бумага в клеточку, вырванная из школьной тетради. И несколько строк, написанных быстрым, летящим, явно мужским почерком. Чернила выцвели до бледно-фиолетового цвета.

«Тоня. Я знаю, что ты сердишься. Знаю, что не простишь сразу. Но я вернусь к ледоходу, слышишь? Когда пойдёт лёд — жди меня на пристани. Я приду. Что бы ни случилось — приду. Только дождись. Твой М.»

Ниже стояла дата: «12 ноября 1963 г.»

Варя перечитала письмо три раза. За окном окончательно стемнело. Где-то на реке протяжно загудел теплоход.

Тоня. Антонина. Бабушка Ильи?

А кто такой М.?

И вернулся ли он к ледоходу?

Варя сложила листок, убрала его обратно в конверт и положила на крышку рояля. Подумала — и спрятала в свою сумку. Завтра она отдаст его Илье. Это его бабушка, его семья, его история.

Но засыпая той ночью в маленькой комнате у Зинаиды Петровны, под стрекот кузнечиков и далёкий плеск реки, Варя всё думала о незнакомом человеке, который шестьдесят лет назад обещал вернуться. И о женщине, которая спрятала его письмо в самое сердце рояля — туда, где его никто никогда не найдёт.

Кроме того, кто однажды придёт настраивать.

Глава 2. Город, где все всё знают

Зинаида Петровна была женщиной необъятной во всех смыслах. Необъятной фигуры, необъятного голоса и необъятного любопытства. Ей было за семьдесят, она носила цветастые халаты, красила губы ярко-малиновой помадой и знала про каждого жителя Заречья больше, чем он сам про себя.

— Кушай, кушай, деточка, — говорила она, подкладывая Варе третий блин. — Худая какая. В Москве вас там не кормят, что ли? Сметанки бери. Сметанка своя, от соседской Зорьки.

Варя сидела на веранде, увитой диким виноградом, и чувствовала себя так, будто попала в детство. Ей было неловко, тепло и очень вкусно одновременно. Солнце пробивалось сквозь листья и рисовало на скатерти дрожащие пятна.

— Значит, к Илюше приехала, — сказала Зинаида Петровна, садясь напротив с чашкой чая. Это был не вопрос. Это было начало допроса. — Рояль Тонечкин чинить.

— Настраивать. Вы знали его бабушку?

Зинаида Петровна всплеснула руками так, что чай чуть не выплеснулся.

— Знала ли я Тоню! Деточка, да её весь город знал. Антонина Сергеевна Белова. Она в музыкальной школе сорок лет преподавала. Полгорода у неё училось. И я училась, только у меня слуха нет, как у табуретки. А она всё равно со мной занималась. Терпеливая была. Как святая.

— Какая она была?

Зинаида Петровна задумалась. Её лицо смягчилось, и на секунду она стала похожа на девочку, которая когда-то сидела за роялем и не попадала по клавишам.

— Красивая. Даже в старости красивая. Строгая, но не злая. Ходила всегда прямо-прямо, как будто у неё вместо спины линейка. И глаза такие... грустные. Вот вроде улыбается, а глаза всё равно грустные. Я маленькая думала, что у всех учительниц музыки такие глаза.

— А её муж?

— Пётр Иванович-то? Хороший был мужик. Тихий, работающий. Лодки строил, как сейчас Илюша. Это у них семейное. Он её очень любил. Прямо на руках носил. Помер лет двадцать назад, сердце.

Варя помолчала, ковыряя вилкой блин.

— Зинаида Петровна, а вы не знаете... не было ли у Антонины Сергеевны кого-то ещё? До мужа. Кого-то на букву «М»?

Зинаида Петровна прищурилась. Её глаза, маленькие и острые, как у воробья, впились в Варю.

— А тебе зачем?

— Просто, — сказала Варя и почувствовала, что краснеет. — Любопытно.

— Любопытно ей. — Хозяйка отпила чаю, долго смотрела на реку. — Было что-то. Давно. Я ещё девчонкой была, не помню толком. Мама моя говорила, что у Тони был жених до Петра. Какой-то приезжий. Не то геолог, не то учёный. Уехал и не вернулся. А она через год за Петра вышла. Вот и вся история.

— Уехал и не вернулся, — повторила Варя тихо.

— Так бывает, деточка, — вздохнула Зинаида Петровна. — Мужики, они такие. Обещают, обещают... Ешь блин, остынет.

Мастерскую Ильи Варя нашла по запаху. Свежая стружка, смола, олифа. Длинный деревянный сарай на самом берегу, с широкими воротами, распахнутыми настежь. Из ворот выглядывал нос лодки — светлый, гладкий, изогнутый, как крыло птицы.

Внутри было светло и прохладно. Пахло деревом так сильно, что кружилась голова. По стенам висели инструменты, каждый на своём месте. Рубанки, стамески, пилы, какие-то загадочные трубины. А посередине, на деревянных козлах, лежала лодка. Ещё недоделанная: рёбра шпангоутов торчали, как кости кита.

Илья стоял к ней спиной и строгал доску. Длинные, точные движения. Стружка завивалась кольцами и падала к ногам.

Варя остановилась у ворот и несколько секунд просто смотрела. Было в этом что-то завораживающее. Ритм. Шорох рубанка, вдох, шорох, вдох. Почти музыка, хоть он и не любил музыку.

— Вы долго будете там стоять? — спросил Илья, не оборачиваясь.

Варя вздрогнула.

— Как вы узнали?

— Тень. — Он кивнул на пол, где лежала её тень, длинная, утренняя. Отложил рубанок и наконец повернулся. — Что-то с роялем?

— Нет. То есть да. То есть... — Варя достала из сумки конверт. — Я нашла это внутри. Вчера. Он был спрятан между рамой и корпусом. Мне кажется, это вашей бабушки.

Илья вытер руки о тряпку и взял конверт. Достал листок, развернул. Варя смотрела, как он читает. Сначала равнодушно. Потом нахмурился. Потом его лицо стало совершенно неподвижным, как вода в безветренный день.

Он дочитал. Сложил листок. Сунул обратно в конверт.

— Мой дед — Пётр, — сказал он ровно. — Не М.

— Я знаю. Зинаида Петровна рассказала, что у вашей бабушки был кто-то до него. Приезжий. Который уехал и...

— Зинаида Петровна, — перебил Илья, — расскажет вам что угодно. Она и про меня, наверное, уже рассказала.

— Нет, — честно сказала Варя. — Про вас не успела.

— Успеет. — Он протянул ей конверт обратно. — Оставьте себе. Или выбросите.

Варя не взяла.

— Это же письмо вашей бабушки. Это её жизнь.

— Это её прошлое. — Илья положил конверт на верстак, рядом с рубанком. — Она его спрятала. Значит, не хотела, чтобы кто-то видел. Пусть так и будет.

— Но она его не выбросила, — тихо сказала Варя. — Шестьдесят лет хранила.

Илья ничего не ответил. Снова взял рубанок, снова повернулся к доске. Разговор был окончен.

Варя постояла ещё немного, глядя на его спину. Широкою, напряжённую. Потом развернулась и ушла.

Конверт остался лежать на верстаке.

Весь день она работала.

Сначала сняла всю механику, бережно, как хирург. Молоточки, рычаги, демпферы. Разложила всё на старом бабушкином столе, застеленном газетами. Почистила каждую деталь. Проверила каждую пружинку. Половину фетра нужно было менять, и она составила список того, что придётся заказать из Москвы.

Потом занялась струнами. Подтягивала их понемногу, по чуть-чуть, чтобы не лопнули после стольких лет. Рояль скрипел, стонал, жаловался. Как старик, которого будят после долгого сна.

— Знаю, знаю, — бормотала Варя, поворачивая ключ. — Неприятно. Потерпи. Скоро станет легче.

Она всегда разговаривала с инструментами. Кирилла это раздражало. «Ты как бабка с котами», — говорил он. А Варе казалось, что инструменты слышат. По крайней мере, лучше, чем некоторые люди.

К вечеру спина болела так, что она едва могла разогнуться. Руки были чёрные от старой пыли и смазки. Но басы уже гудели почти в лад, и где-то в глубине рояля начинал просыпаться тот самый голос, который она слышала вчера.

Она села на банкетку, вытерла лоб тыльной стороной ладони и, не удержавшись, сыграла несколько тактов. Ничего особенного. Начало ноктюна Шопена, которое она играла с детства. Ми-бемоль мажор, опус девять, номер два. Мелодия поплыла по пустому дому — ещё неуверенная, с фальшивинками в верхнем регистре, но уже живая.

Она доиграла фразу и замерла.

В дверях стоял Илья.

Сколько он там стоял, она не знала. Он не шевелился. В руке у него был тот самый конверт.

— Не останавливайтесь, — сказал он хрипло.

— Он ещё не настроен как следует. Там верха фальшивят...

— Мне всё равно. Я не услышу разницу.

Варя помедлила. Потом снова положила руки на клавиши и заиграла сначала.

Она играла и не смотрела на него. Смотрела на свои пальцы, на пожелтевшие клавиши, на окно, за которым гасла Волга. Ноктюн медленно разворачивался, как цветок, как разговор двух людей, которые долго не виделись и не знают, с чего начать.

Когда последний аккорд растаял в тишине, Илья всё ещё стоял в дверях.

— Она это играла, — сказал он. — Бабушка. Когда я был маленький. Каждый вечер. Я засыпал под это наверху. — Он помолчал. — Я забыл. Совсем забыл. А сейчас услышал и...

Он не договорил. Отвернулся к окну.

Варя молчала. Она знала, что иногда самое правильное — ничего не говорить.

— Я перечитал письмо, — наконец сказал Илья, не оборачиваясь. — Там про ледоход.

— Да.

— Бабушка каждую весну ходила на пристань. Когда шёл лёд. Каждую весну, сколько я себя помню. Одевалась, брала палку и шла. Стояла там час, два. Иногда дед ходил с ней. Чаще одна. Я думал, она просто любит смотреть на лёд. Красиво же. — Он невесело усмехнулся. — Я даже фотографировал её там. Думал, традиция такая.

Он повернулся. В сумерках его лицо казалось совсем другим. Моложе. Растерянное.

— Шестьдесят лет, — сказал он. — Она шестьдесят лет ходила на эту чёртову пристань.

Варя встала с банкетки. Подошла к нему. Остановилась рядом, у окна. Внизу темнела река, и по ней медленно плыл огонёк — лодка или бакен.

— Может, она просто помнила, — сказала Варя. — Не ждала, а помнила. Это ведь не одно и то же.

— А вы откуда знаете?

Варя пожала плечами.

— Не знаю. Просто так думаю.

Они постояли молча. Где-то в саду запел соловей — неуверенно, будто пробуя голос, как рояль сегодня утром.

— Варя, — сказал Илья. Он впервые назвал её по имени сам, без подсказки. — Если найдёте там ещё что-то... в рояле. Скажите мне. Ладно?

— Ладно.

Он кивнул и протянул ей конверт.

— Пусть пока у вас побудет. Я не знаю, что с ним делать.

Варя взяла письмо. Их пальцы на секунду соприкоснулись, и она почувствовала, какие у него тёплые руки. Илья тут же отдернул свои и сунул в карманы.

— Спокойной ночи, — сказал он и ушёл.

Варя долго смотрела ему вслед. Потом посмотрела на рояль, тёмный и молчаливый в сумерках.

— Ну что, — шепнула она. — Что ты ещё прячешь?

Рояль, конечно, не ответил. Но Варе показалось, что одна из басовых струн тихонько загудела сама по себе. Будто вздохнула.

Глава 3. Письма, которые никто не отправил

Вторую находку Варя сделала через три дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.